

МОЙ ПЕДАГОГ БОРИС КОСАРЕВ

Погорелов В.В., доц. кафедры рисунка,
заслуженный деятель искусств Украины

Харьковская государственная академия дизайна и искусств

Аннотация. Данная статья раскрывает отдельные моменты педагогической практики Б. Косарева в Харьковском художественно-промышленном институте (1932 по 1987 гг.). В статье детально описаны эпизоды, связанные с методом преподавания Б. Косарева, влиянием его творческой личности на формирование студентов.

Ключевые слова: Харьковская государственная академия дизайна и искусств, Б. Косарев, харьковская школа.

Анотація. **Погорелов В.В. Мій педагог Борис Косарев.** Дана стаття розкриває окремі моменти педагогічної практики Б. Косарева в Харківському художньо-промислому інституті (1932 по 1987 р.). У статті детально описані епізоди, пов'язані з методом викладання Б. Косарева, впливом його творчої особистості на формування студентів.

Ключові слова: Харківська державна академія дизайну і мистецтв, Б. Косарев, харківська школа.

Annotation. **Pogorelov V.V. My teacher Boris Kosarev.** The given article exposes the separate moments of the pedagogical practice B. Kosareva in the Kharkov artistic-industrial institute (1932 for 1987). In the article the episodes related to the method of teaching B are described in detail. Kosareva, by influence of his creative personality on forming of students.

Keywords: Kharkov state academy of design and arts, B. Kosarev, Kharkov school.

Актуальность исследования. Борис Васильевич Косарев (1897-1994) – один из выдающихся харьковских художников XX столетия. Его творчество привлекало внимание исследователей еще при жизни. Так, в 1960-е годы впервые появилась монография В. Черновой, посвященная его сценографической деятельности. В дальнейшем исследование разных периодов его творчества занимались О. Красильникова, В. Яськов, В. Чечик, И. Бондарь-Терещенко, Т. Павлова. Но во всех этих работах практически отсутствует знакомый мне образ Учителя. Личность Косарева-педагога не менее величественна, нежели личность Косарева-художника сценографии, Косарева-лауреата Сталинской премии.

Работа выполнена в соответствии с программами научно-исследовательской работы Харьковской государственной академии дизайна и искусств.

Результаты исследования основаны на личных воспоминаниях, направленных на то, чтобы как можно более полно восстановить образ личности Бориса Косарева как педагога, определив его влияние на своих учеников.

Постановка проблемы. Борис Васильевич был личностью ренессансного типа. Это был абсолютно преданный искусству человек. Интеллектуал, энциклопедист, профессор с большой буквы, всесторонне одаренный человек с неутолимой жадностью познания мира, с пытливым, живым умом. В интеллектуальном плане он превосходил многих по тому объему информации, которым обладал.

Для нас, студентов 70-х, которые формировались в эпоху некоторого застоя, его личность была моделью художника-мыслителя, художника-исследователя, художника-творца.

Вобрав в себя великую культуру своего времени — он был тем мостиком, который связывал прошлое и настоящее. В плане современного взгляда на искусство это было гораздо более неожиданно, актуально, художественно, остро, чем то, что есть сейчас. И Борис Васильевич постоянно подталкивал нас к постоянному поиску, стремлению к познанию всего нового.

Б.Косарев был приглашен на работу в Харьковский художественно-промышленный институт еще до войны, в 1932 году. К тому времени, когда я стал студентом «худпрома», ему было уже почти семьдесят. Даже будучи в таком зрелом возрасте он всегда находился в постоянном поиске, неизменно стремился к постижению новых идей и тенденций.

Он был страстным собирателем: по крупице выискивая в истории искусств мысли, идеи, умел этим пользоваться, как наследием человечества. Сумел сохранить и донести идеи «золотого века» искусства 20-х годов.

Его круг состоял из высокообразованных, творчески-состоятельных друзей: лично знал В. П. Катаева, В. В. Маяковского, А. П. Довженко. У него было много друзей из театрального мира Харькова.

Всегда требовательный к себе, Борис Васильевич во всем стремился к совершенству, абсолютной гармонии.

Полина Артемовна Осначук — одна из первых учениц Бориса Васильевича, которая была моим преподавателем по проектированию, много и часто рассказывала о нем, как о гениальном учителе, многогранной личности, интересном человеке. Ее рассказы и легенды о Б. Косареве всегда привлекали мое внимание.

Как педагог и личность Б. Косарев был интересен скорее для профессионалов — для тех, кто уже что-то умеет. Я познакомился с ним лично при поступлении в институт. На собеседовании он задал мне вопрос: «Какие Вам художники нравятся?». Я, забыв наставления доброжелательных знакомых, честно отрубил: «Серов и Петров-Водкин». А он серьезным тоном, но с иронической улыбкой ответил: «Какой ужас! Что Вы такое говорите?! Это же крамола, модернизм! Вы себе перечеркнули все поступление...» Уже тогда я понял глубинную сущность этого человека.

Уже став студентом и постоянно общаясь с Борисом Васильевичем в процессе обучения, я больше о нем узнал. По сути, это был учитель, много в чем определивший ход моих творческих поисков. И я, будучи студентом, желающим взять от бескомпромиссного советского художественного образования нечто большее, увидел в нем учителя-друга.

С ним можно было разговаривать на любые темы. Я поделился с Б. Косаревым своим тогдашним увлечением Д. Поллаком и В. Кандинским. И тогда он предложил мне индивидуально заниматься абстракционизмом. Он

давал мне задания, которые состояли в том, чтобы чертежи – технические, архитектурные, математические — переработать в образцы, подразумевая под этими упражнениями эмоциональную обработку неких структур с применением цвета как элемента влияния, обрабаывая различными ахроматическими и хроматическими комбинациями. Я был сильно увлечен этой работой, и Борис Васильевич мне часто повторял: «Если ты занимаешься абстрактной живописью – обязательно рисуй с натуры, иначе станешь жертвой своей схемы. Нужно себя пополнять новыми впечатлениями».

Мы консультировались только один на один: он всегда чего-то боялся. Казалось, что он жил в постоянном страхе, проверяя, не подслушивают ли его. Выглядывал в коридор, а потом говорил: «Мы прекращаем занятия, потому что там мальчик в коридоре ходит с блокнотом, нас записывает... Вы никому не говорите». Этот пример далеко не случайный. Желание спрятаться от кого-либо проявлялось у него часто. С одной стороны, это было частью «сталинской правды». С другой стороны, занятия «запрещенным искусством» создавало интригу, облекающую искусство ореолом Тайны.

На занятиях Борис Васильевич пытался обратить мое внимание на знаковые системы. В последствии мы довольно долго занимались сфрагистикой, нумизматикой и геральдикой, где, как убеждал меня Косарев, существуют другие законы, где все имеет свое значение. Я увлеченно стал собирать знаки, символы разных эпох и стран, что позволяло мне более глубоко понимать мир искусства и вело к выработке собственных знаковых систем.

Обладея пытливым умом ученого, желающего знать все, Б. Косарев стремился досконально изучить тему во всех деталях и связях. В 1973 г. под его руководством я сделал рельеф в глине, памятную доску режиссера А. Довженко. Я профессионально подошел к поиску образа, аналогов. Благодаря Борису Васильевичу проработал массу материала. С большим интересом он относился к шрифту: мы придумали новый шрифт, который бы стилистически был близок 1920-м годам и подошел бы для А. Довженко. Косарев трепетно относился ко всему, к каждой детали, будь-то шрифт или что-то другое (в искусстве не может быть мелочей). Постоянно консультировал меня, рассказывал о специфике шрифта и рельефа: под каким углом, какое освещение – и по этому поводу консультировал не хуже профессионального скульптора. На любые интересующие меня вопросы я получал исчерпывающие, развернутые ответы, которые направляли меня к самостоятельным поискам. Он считал, что художник – это, прежде всего, собиратель информации, который должен знать искусство изнутри, искать в нем свою нишу, создавать собственные образы.

Мне нравилось с ним общаться. Борис Васильевич жил жизнью своих студентов и никогда не жалел на них время. Целый день проводил либо в общении с учениками, либо в художественных поисках. За нас, студентов, всегда переживал, был настоящим наставником. Во всем стремился к

совершенству, абсолютной гармонии, требовал этого от студентов, разбирался во всех деталях и тонкостях своего предмета. Отстаивал каждую работу студентов на просмотрах. Полина Артемовна рассказывала, что один из ее однокурсников однажды закрылся в шкафу на кафедре, и, тайно наблюдая оттуда за происходящим, был сильно поражен, как активно и эмоционально Борис Васильевич отстаивал каждого. Хорошо помню, как живо отзывался он о каждом своем ученике, давая точную характеристику его манере – «хлесткая», «вязкая» и т.д. П. А. Осначук также вспоминала, как они подсматривали в его рабочие тетрадки – там было множество фамилий, и под каждой — подробная характеристика студента и как он развивается. Б. Косарев подробно и систематически следил за творческим развитием учеников.

На нашем курсе Борис Васильевич преподавал работу в материале в технике интарсии (он называл это «маркетри», считая, что «*интарсия*» не подходит для названия этой техники). Предмет он преподавал как свой взгляд, свое понимание искусства. Он преподавал не ремесло, а через предмет разговаривал с нами о высоком искусстве, ставил перед нами серьезные художественные проблемы, старался расширить наш кругозор. У него был огромный запас знаний в области искусства.

Когда Б. Косарев ставил учебные постановки – определял для нас сверхзадачи. Например, в постановке натюрморта стремился «выстроить» интригу, создать режиссуру. Он как режиссер делал художественное произведение своеобразной инсценировкой: театрализовал все – страх, удивление... Когда-то было задание: выклеивали цветы из бумаги, чтобы понять форму цветка. Он подходил к подобным упражнениям как к художественному произведению: взвешивал все ритмические, масштабные соотношения. Смотрел, как работы включаются в общую композицию.

Делая экспозицию работ из методического фонда нашего института, Борис Васильевич очень требовательно относился ко всему. Для него не было мелочей, все было важно. Под его руководством мы долго выстраивали зрительный ряд — перекомпоновывали, перевешивали, и все равно он был чем-то не удовлетворен. Взгляд его охватывал все, пока результат сделанной композиции его не удовлетворил.

Борис Васильевич искал место каждой детали в истории искусств. Если это был просто акантовый завиток – он поднимал планку до изучения всех прототипов это завитка, его истории. Линию пытался довести до совершенства. Внимательно рассматривая композицию студента, Б. Косарев заметил: «Вы взяли какую-то кривую у другого художника. Он работал над пластической системой всю жизнь, а вы просто «содрали» и не знаете, к чему она здесь».

Одновременно, с поиском нового, он требовал, чтобы мы максимально досконально исследовали наследие прошлого. Мы постоянно изучали старинные рецепты. У меня до сих пор сохранился какой-то из рецептов, состоящий из 25 или 30 компонентов.

Под руководством Б. Косарева студенты «худпрома» выполнили декоративное панно темперой на холсте, загрунтованном по одному из его рецептов. Панно украшало фасад старого корпуса много лет.

Через несколько лет после окончания института я встретил Бориса Васильевича на улице. Он, как всегда внимательный к своим ученикам, спросил меня о жизни, моих интересах. Разговор зашел об искусстве, интересовавшей меня на тот момент проблеме локального пятна в живописи, и я тот час же получил исчерпывающую лекцию по этому поводу. А потом он спросил, сколько мне лет, и написал ли я свою теорию искусства? Я ответил: «Нет». А он, удивленно на меня посмотрев, ответил: «К этому возрасту художник должен иметь собственную теорию искусства».

Безусловно, мои воспоминания и промежуточные выводы не могут претендовать на исчерпывающее раскрытие педагогической деятельности Бориса Васильевича Косарева. Но, хочется верить, что они подвигнут молодых исследователей на поиски в этой области.

Дальнейшие исследования в этой области планируется провести в области анализа педагогической концепции Бориса Косарева.

Литература:

1. Красильникова О. Борис Васильевич Косарев вспоминает // Советские художники театра и кино. – М.: Советский художник, 1984. – Вып. 6. – С. 188 – 198.
2. Чернова М. Борис Васильевич Косарев: нарис життя і творчості. – К.: Мистецтво, 1969. – 69 с.
3. Чечик В. Біля джерел харківської сценографічної школи: Борис Васильович Косарев // Вісник ХДАДМ. – Х, 2002. - № 6. – С. 93 – 96.

Надійшла до редакції 11.03.2008